

ПУБЛИКУЕТСЯ В ПЕРВЫЕ

20 лет назад умер
Владимир Высоцкий

Предлагаемый рассказ — это фрагмент статьи Давида Карапетяна, которую он назвал «Вдвоем с Высоцким». Один из самых близких друзей Владимира Высоцкого впервые публикует свои воспоминания. Полностью их вскоре можно будет увидеть в очередном — четвертом — выпуске альманаха «Мир Высоцкого». Это издание ежегодно представляет читателям Государственный культурный центр — музей В. С. Высоцкого.

— Хочешь, поедem сейчас к Хрущёву? — ошарашил он меня. Каюсь, сначала я не придал его словам серьёзного значения. Я и понятия не имел тогда, что Володя обладает такими фантастическими возможностями. Много позже я понял, что какой-либо глубокой подоплёки за его предложением тогда не стояло — не собирался он в то утро ехать к Хрущёву «советоваться», как ему жить дальше, как утверждают многие мемуаристы, — просто хотел сделать для меня что-нибудь приятное.

Не раздумывая, я ответил: — Конечно, хочу, но как? — Сейчас увидишь, — отвечает Володя, берёт трубку и набирает номер Юли, внучки Хрущёва. Поразительно всё это у него получалось. Юля: — Нет, Володя, сегодня это невозможно.

Я слышу, как она отвечает, — ясно, что ей сейчас не до него. У Юли, видимо, свои планы на сегодняшний день, свои резоны (позже я узнал, что муж Юли был тогда тяжело, фактически безнадежно, болен). Да и не так, наверное, просто организовать эту встречу: нужно предварительно позвонить Хрущёву, договориться с ним, ведь хозяйка в доме — Нина Петровна. Да и сам Хрущёв может иметь собственные планы или плохо себя чувствовать. К тому же там охрана...

Но Володя уже принял решение: он должен сегодня туда поехать! Тем более, что он уже как бы пообещал эту поездку мне. Минут пятнадцать он уговаривал Юлю, приводил какие-то доводы, в конце концов она сказала что-то вроде: приезжай, поговорим. Я чувствовал себя неловко, но, как говорится, меня не спрашивали, — да и перечить Володе в этом его настроении было бесполезно.

Поехали к Юле. Она жила на Кузнецком проспекте, номера дома не помню, довольно скромная квартира, двух- или трехкомнатная.

Юля в некоторой растерянности. А ее муж, интеллигентного вида человек, очень худой, спросил:

— Володя, а вы что — хотите с вашим другом туда поехать?

Интонация в его словах была такая: одному, мол, еще куда ни шло, но вдвоем!.. Надо же и совесть иметь! Может быть, определенные подозрения у него вызывала и моя кавказская внешность...

Но — и это удивительная черта характера Володи, — решившись на что-то, он действовал с таким напором и убежденностью, что просто заставлял всех поступать по-своему.

— Да-да, это мой ближайший друг, мы поедем с ним! Юля, ну позвони же, — мне обязательно нужно с Никитой Сергеевичем поговорить.

Наконец Юля сдалась.

Звонит Хрущёву:

— Дедушка, можно я к тебе сейчас приеду с двумя актерами «Современника»? Они хотят посоветоваться с тобой. Помнишь, ты у них был на спектакле?

Юля, видимо, не смогла придумать лучшего предлога для поездки. Хрущёв действительно недавно был в «Современнике» на спектакле «Большевики» по пьесе Шатрова, и она решила воспользоваться этим поводом. Потому что, как вскоре выяснилось, Хрущев Высоцкого знать не знал и слыхом не слышал. Никакого понятия о Высоцком он не имел!

Нам повезло, что дома не было Нины Петровны, которая, по словам Юли, всячески оградяла мужа от нежданных визитёров.

Никита Сергеевич сразу согласился.

Быстро собрались, уже выходим из квартиры, — и вдруг Володя стал объяснять Юлиному мужу (по-моему, тот был журналистом), что его другу, Гарику Кохановскому, нужно помочь опубликовать подборку стихов, и надо, чтобы муж пробил это дело как можно скорее. Муж неуверенно отнекивался, но Володя не отступал: «Ты должен сделать это для моего друга!..» Мне показалось, что они уже говорили об этом раньше, и Володя просто напоминал об уже данном им обещании, — отсюда его настойчивость.

И это тоже — характерная черта Володи: в такой момент он помнит о своих друзьях, которым часто помогал без всяких просьб с их стороны. Это был, если угодно, один из основных его жизненных принципов: «Если хочешь дружить со мной, помогай моим друзьям». Я не раз становился очевидцем таких его разговоров. А ведь кое-кто утверждает, что он был эгоистичен!..

И вот мы едем к Хрущеву, на его дачу в Петрово-Дальнем. По дороге обсудили, о чём, собственно, мы собираемся с Никитой Сергеевичем говорить. Юля немного успокоилась.

Никита Сергеевич ждал нас в своей комнате на втором этаже. Из её убранства мне запомнились нечастый в то время японский транзисторный радиоприемник, книга «Пчеловодство» и овчарка Тайга.

Представляя нас деду, Юля снова назвала нас актерами «Современника» — так оно и оставалось до конца разговора. Она сказала, что Володя известный актёр, что он пишет хорошие песни и сам их поёт, но у него есть профессиональные трудности — его «затирают», не дают выступать, и он хочет посоветоваться, как ему быть. Остальное время Юля преимущественно молчала: она как бы ввела разговор в нужное русло, а потом просто сидела и слушала нашу беседу.

ду, показывая своим видом: вы хотели видеть деда — вот и говорите с ним о чём угодно.

В Хрущёве была заметна вполне понятная осторожность, но в целом он вёл себя раскованно. Володя при знакомстве что-то рассказал о себе; я, по-моему, тоже сказал несколько слов о своём отце, вместе с которым в детстве видел Хрущева в Сочи, в санатории Совмина, — в общем, попытался как-то примкнуть к разговору, чтобы Никита Сергеевич не был так насторожен. Хрущев говорил что-то о пьесе Шатрова, о том, как в ней

Тогда Володя в очень простых словах обрисовал Хрущеву свое положение. Общий смысл его слов был такой:

— Песни мои ругают, выступать не дают, на каждом шагу ставят палки в колёса. А люди хотят слушать... К кому из руководства мне лучше обратиться? Вы ведь там всех знаете.

Хрущев довольно долго не мог ничего назвать, думал, перебирал:

— Даже не знаю, кого вам посоветовать. Лучше, наверное, идти к Демичеву: он более-менее молодой, прогрессивный, лучше остальных в таких вещах разбирается...

— Вот, меня сейчас все ругают, дома эти называют «хрущобами», а не говорят, что мы тогда вытащили людей из подвалов, где и сортиров не было (вместо *вытащили* он употребил нелицитатное, но очень сочное слово), что мы дали им благоустроенное жильё, — правда, маленькое, с низкими потолками, но жить-то можно. При Сталине жилых домов почти не строили, а я из-за этих «хрущоб» с армией поругался.

Прогулка длилась минут 15-20, а когда мы вернулись, стол был уже накрыт. Сели вчетвером: Никита Сергеевич, Юля, Володя и я. Собака пристроилась у ног хозяйки. Скромный обед (или поздний завтрак): яичница с беконом, масло, овощной салат, кофе с молоком.

Только уселся за столом, как вдруг Володя спросил:

— Никита Сергеевич, у вас не найдется чего-нибудь выпить?

И спросил таким тоном, как будто они с хозяином друзья-приятели и только вчера расстались. Я оценил: как отнесётся Хрущев к

то сказать Берии правду в лицо, был Молотов...

Помню и Володин *политический* вопрос:

— Никита Сергеевич, неужели вы не догадывались, что Сталин сам санкционирует репрессии тридцать седьмого?

Хрущёв в ответ рассказал большую историю о том, как он, будучи Первым секретарем Украины, по настоянию Сталина отпустил «на повышение» в Москву своего товарища и ближайшего сотрудника. И тот вскоре пропал из его поля зрения. А при очередной встрече в Москве Сталин, опережая вопрос Хрущёва, сказал: «Представляешь, Никита, эти *мерзавцы* забрали его. Такого работника! Поздно узнал, ничего не смог сделать».

— И я *поверил* ему. Мы все тогда думали, что всё зло — от НКВД, что его главари обманывают Сталина и партию. Там было всё не так просто: ведь Сталин сам разоблачил Ягоду и Ежова и расправился с ними. Мы верили в их заговор против ленинского ЦК, — такими были наивными. И потом — Сталин умел

«Меня фактически вынудили проводить эту кампанию. Сразу же после смерти Сталина в ЦК КПСС стали приходить кучи писем от западных компартий, из Чехословакии, Венгрии и других мест. Ведь в числе репрессированных в тридцать седьмом и в более поздние годы было много деятелей западных коммунистических и рабочих партий. Писали их жены и дети: «Что же там такое у вас произошло? Давайте разбираться». Надо было принимать какое-то решение.

Я собирал Политбюро, спрашивал: «Что мы им будем отвечать? Врагов мы назвали или невиновные погиблы?» К тому же многие репрессированные коминтерновцы проходили по разным уклонам: левые, правые, троцкисты, — и если мы будем их оправдывать, то надо нам и у себя решать, как быть с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным... Мы уже реабилитировали Тухачевского, Якира, Постышева, но надо же что-то и с этими решать. Я им (членам Политбюро) говорю: «Ну какой же Зиновьев враг народа, если он с Лениным жил в одном шалаше и Ленин его называл Гришей? Как этот *Гриша* может быть врагом народа, если он вместе с Лениным скрывался в Разливе?»

Помню, я тогда удивился: они больше пытались оправдать правых уклонистов — Бухарина и Рыкова, — а Зиновьева и Каменева, связанных с троцкистами, люто ненавидели. И вообще колебались: «Нет, к этому мы не готовы, это грозит устоям нашего общества, этим надо заниматься, но — постепенно...» В общем, коллективное руководство меня не поддержало. Кроме Микояна, — остальные или мыслили, или были решительно против.

А я им сказал: тогда давайте сделаем так, чтобы совесть у нас была чиста. Давайте напишем *Завещание для потомков* от имени всего нашего коллективного руководства. С условием: вскрыть после нашей смерти. И в этом Завещании подпишемся, что ни Бухарин, ни Зиновьев, ни Рыков, ни все эти правые и левые уклонисты — не были врагами народа. Что мы их реабилитируем и таким образом восстанавливаем историческую правду.

Не приняли! И я ничего не мог с этим поделать — коллективное руководство».

Провожая нас, Хрущев вышел за ворота. Местные жители снисходительно-уважительно с ним здоровались: «Здрасьте, Никита Сергеевич».

Запомнилось, что на нем был габардинный плащ, старый плащ серого цвета, какие в те годы носили все наши руководители. На левой стороне было небольшое масляное пятно, и еще — не хватало одной пуговицы, а еще — не хватало одной пуговицы. Все эти мелочи остались в памяти только потому, что Володя тогда же сказал вполголоса: «Что ж это Нина Петровна — не может, что ли, ему пуговицу пришить?»

Вот так это всё тогда и произошло...

Рассказ об этой нашей поездке не раз появлялся в печати. Но было в нем так много неблизости, ерунды и открытой неправды — и в важном, и в мелочах, — что порой мне просто неловко было всё это читать. Но может быть, не только мемуаристы, в том числе и Марина Влади, виноваты в том, что в их рассказах об этой поездке так много неточностей и неправды. Володя был прекрасным рассказчиком и мог прихвастнуть, разукрасить свой рассказ. Описывая тот или иной эпизод своей жизни, он, особенно если было много слушателей, меньше всего заботился об абсолютной достоверности. Для него это были своеобразные моноспектакли, в которых полёт фантазии — их неотъемлемая часть. Другое дело, когда разговор шёл тет-а-тет. Тогда пропорция «правда-выдумка» резко менялась.

В заключение перечислю некоторые *«очевидцы»*: песен Хрущеву Высоцкий *не пел*; разговора о выставке художников-абстракционистов в Манеже *не было*; не приносил нам Хрущев и старых газет, в которых вооружилось о его заслугах в борьбе с культом личности... И хочу ещё раз подчеркнуть: Володя в этот день не собирался ехать к Хрущеву, чтобы посоветоваться с ним о своих проблемах (как следует из всех интерпретаций этой поездки). Могу с абсолютной уверенностью утверждать, что это была поездка-экспромт, такой вот подарок мне при соответствующем Володином настроении.

Незабываемым для меня стал и общий настрой той беседы. Володя вел себя так, как будто рядом с ним сидел не бывший руководитель страны, а обыкновенный пенсионер. Было видно, что Володя отдаёт ему должное, но в то же время за его словами как бы стояло: «Как же это вы прозевали, и мы опять в это дерьмо окупались!»

Мне показалось, что Никита Сергеевич уже был как бы в отключке от общественной ситуации. Нужно учесть и его возраст — ему было тогда 76 лет. О событиях своей жизни он говорил спокойно, как о чем-то фатальном. Живая обидка чувствовалась только в его словах относительно «хрущоб»: «Я же пытался сделать людям лучше... где же благодарность людская?» И ещё, пожалуй, в его рассказе о «заговоре» тоже звучало живое недоумение по поводу собственной близорукости.

Для Высоцкого разговор с Хрущевым не был таким событием, как для меня, — по крайней мере, так мне казалось. Это было для него просто ещё одним доказательством собственных неограниченных возможностей. Хотя, если вспомнить, что в течение нескольких следующих месяцев Володя всем — от Виктора Турова до моего отца — взахлёб рассказывал об этой встрече, значит, и для него она была важной.

Записал
Игорь РОГОВОЙ

ПОЕЗДКА К ХРУЩЕВУ

подобной просьбе со стороны «молодежи»? Возмутится, будет скандал?..

Но он отреагировал на удивление спокойно:

— Вообще-то есть, — и достал из кухонного шкафа початую бутылку «Московской особой». Володя сразу налил мне и себе, а хозяин отказался.

Мне врачи запретили, я не пью.

Всё же было заметно, что он сильно удивлён таким поведением гостей.

После этого эпизода (по ходу обеда бутылку мы с Володей постепенно прикончили) беседа пошла свободнее. Мы накиннулись на хозяина с вопросами. Спрашивали обо всём, что знали и чего не знали: о Сталине и Берии, о том, как это мог Хрущев ничего не знать о заговоре... И он очень интересно нам отвечал, некоторые его суждения мне ни тогда, ни после не встречались в печати.

Помню, я спросил:

— Правда ли, что в процессе десталинизации участвовал и Берия?

Ответ был неожиданно откровенным:

— Мы оба начинали, но независимо друг от друга.

То есть он подтвердил, что в либеральных реформах Берия тоже участвовал. Для меня в то время это было важнейшим открытием.

Много разговоров в своё время было об осетинском происхождении Сталина. Когда я задал этот вопрос Хрущёву, Юля улыбнулась:

— Вы у Мандельштама об этом прочли? — Увы, меня ждало разочарование, Никита Сергеевич об этом ничего не знал.

Спрашивали, как вели себя члены Политбюро по отношению к Сталину. Хрущёв рассказывал:

— Как-то после войны приглашает Сталин нас с Анастасом Ивановичем на обед — это было, по-моему, в его резиденции на озере Рица. Никого больше не было из Политбюро. И тут Сталин, к нашему великому удивлению, разоткровенничался: «Я никому не верю, даже самому себе» (или же он тогда сказал: «Я даже самого себя боюсь»).

Очень хорошо Хрущев говорил о Микояне — с уважительным чувством и теплотой, называя его по имени-отчеству. Обо всех прочих — нет!

Много рассказывал про Берия: — Страшный был человек. Провокатор! Подходил ко всем нам поочередно, отводил в туалет и заводил такие разговоры: «Сталин — тиран, давайте объединимся, а то он нас всех уничтожит». Мы боялись, что он потом пойдёт и Сталина денесет. Должен вам сказать, что единственным человеком, который мог откры-

убеждать, умел нравиться, привлекать на свою сторону...

Рассказывая о Берии, рисуя его психологический портрет, Хрущев коснулся и драматической сцены финального расставания «учеников с Учителем» на Ближней даче. Его рассказ почти полностью совпадал с содержанием известной газетной публикации в аджубеевской «Неделе» периода оттепели, которая, по-видимому, являлась литературной обработкой именно этого свидетельства.

Мы слушали Хрущева, можно сказать, открыв рот. Спрашивали наперебой, как это он проморгал октябрьский переворот? Ответа я не помню дословно, но суть его слов была примерно такой: «Да вот *этот* — здесь он мимикой и жестами очень похоже изобразил брови Брежнева — предателем оказался. И о Суслове меня тоже мои люди предупреждали, советовали его убрать, но я не послушался». После чего Володя спросил:

— А почему, Никита Сергеевич?

— Да потому что дураком был.

Ближе к концу застолья Володя спросил, есть ли в доме гитара. Но гитара не оказалось, на что Володя весело сказал:

— Ну, в таком случае разрешите приехать ещё раз, попеть для вас.

Хрущев ответил, что да, конечно, и больше мы к этой теме не возвращались.

Помню, уже выходя из дома, Высоцкий спросил:

— Никита Сергеевич, столько вы знаете, столько прошло через вас событий, почему не напишете мемуары? Люди, молодежь, — ждут.

— А вы мне можете назвать издательство, которое бы их напечатало?

(Позже, когда мы вернулись ко мне домой, Володя сказал, что в этот момент он подумал: «А сам-то ты как в свое время к таким вещам относишься?») А потом добавил: «Они прозревают только тогда, когда всё это их лично коснётся».)

Получается, что в то время Хрущев еще не был готов к тому, чтобы писать мемуары. По-моему, он не лукавил, — это случилось позднее.

Никита Сергеевич вызвался нас провозить, и мы ещё с полчаса разговаривали, гуляя по дачному участку. И тут он стал говорить об антисталинской кампании: как он её начинал, как она проходила. Возможно, кое о чём он не решился упомянуть за столом, опасаясь прослушивания. Один эпизод из рассказанных особенно врезался в память (по памяти я его здесь и привожу).